

Лазаренко Е.И., аспирант третьего курса, кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия)

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКОГО УЕЗДА

Статья посвящена вопросам, связанным с положением военнопленных периода Первой мировой войны на территории Брянского уезда Орловской губернии. Актуальность темы заключается в сравнении проводимой политики по отношению к военнопленным в период правления Николая II, Временного правительства и Советской России как по стране в целом, так и на региональном уровне. В статье особое внимание уделено функциям компетентных государственных органов и учреждений, проблемам соблюдения норм международного права, обеспечения одежды, продуктами питания и другими необходимыми жизненными условиями содержания военнопленных на территории Брянского уезда. На основе материалов Государственного архива Брянской области предпринята попытка определения реального положения иностранных военнопленных на местном уровне. Автор дает удовлетворительную оценку жизни военнопленных. Советская власть после прихода к власти продолжала проводить гуманную политику в отношении к военнопленным, начатую царским руководством и Временным правительством, хотя царское и Временное правительство уделяло внимание национальности военнопленного, а советское – классовой принадлежности, лояльному отношению к коммунизму. Смена власти особой роли не сыграла: тяжелые условия труда, и низкий уровень содержания. Но вместе с тем, в Брянском уезде Орловской губернии советская власть взяла на себя обязательства по выполнению социальных гарантий и помощи военнопленным.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные Четверного союза, правовое положение, Орловская губерния, Брянский уезд, социальная помощь.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-54-63

Первая мировая война сыграла ключевую роль в изменении международной обстановки, внеся огромные коррективы в судьбу как государств и целых народов, так и отдельных людей, жизнь которых претерпела зачастую необратимые изменения. Проблема военного плена обрела особую значимость после роста с обеих сторон полоненных воинов. Положение русских военнопленных в иностранных лагерях историками изучено довольно подробно на основании различных источников: опросы свидетелей, лагерных врачей, комендантов, дипломатов и т. д. Гораздо менее исследованными оказались условия жизни солдат и офицеров государств, воевавших против России.

Антисанитарные условия, эпидемии и высокий уровень смертности военнопленных в России периода Первой мировой войны в своей статье описывает Б.И. Ниманов [1]. Автор пришел к выводу о неготовности как России, так и противоборствующих держав к размещению у себя и обеспечению всем необходимым военнопленных. Реальность была такова: быстро обустраивались тесные, переполненные землянки с двухэтажными нарами, без постельных принадлежностей и одеял. Лагеря обслуживались самими военнопленными, которые работали пекарями,

кашеварами, разнорабочими, получая жалование от 20 до 40 рублей (май 1918 г.). При этом существовало строгое разделение военнопленных по национальностям: «Первая группа – славяне, вторая – немцы, венгры, турки, евреи. Славяне должны были содержаться в лучших условиях» [1, с. 55].

В диссертационном исследовании А.О. Цветкова осуществлен анализ документов, которые, по его мнению, защищали права военнопленных: Положение «О военнопленных» от 7 октября 1914 г., нормы Гаагской конвенции 1907 г., Положение «О законах и обычаях сухопутной войны». С приходом к власти большевиков и принятием Декрета «О мире», новым договором, затрагивавшим положение военнопленных, стал Брест-Литовский мирный договор [2].

В работе Ю.И. Смирнова определяются принципы подсчета иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны, и приводится перечень государственных органов, которые проводили этот учет: Центральное справочное бюро, подразделения Главного штаба и штаб Московского военного округа, Центральный комитет по делам военнопленных Российского общества Красного Креста [3]. Были названы свыше 400 лагерей военнопленных,

причем немцев, австрийцев и венгров, как неблагонадежных, размещали за Уралом, пленных славян и румын – в европейской части России. Последние работали в сельском хозяйстве, строительстве и промышленности. Труд немцев, австрийцев и венгров стал использоваться с 1915 г. на строительстве Мурманской железной дороги, каналов на Дону, в шахтах Урала и Донбасса [3].

О различном отношении российских властей к военнопленным славянам и не славянам, о размещении их по национальному признаку пишет в своей книге М.В. Оськин [4]. Причем льготами пользовались именно военнопленные-славяне, тогда как не славян направляли в шахты, на строительство, дорожные работы. Автор отмечает многочисленные нарушения норм международного права по отношению к военнопленным как со стороны России, так и ее противников.

Привилегированное положение военнопленных-славян в царской России, обсуждение Николая II вместе с министрами в 1916 г. проекта об освобождении и переводе в разряд «трудообязанных» с привлечением к работам без права увольнения рассказано в монографии С.И. Базанова [5, с.72]. Однако данный проект специального совещания при Главном управлении Генерального штаба так и не утвердили.

После Февральской революции была продолжена самодержавная политика по отношению к военнопленным-славянам. Члены Временного правительства 30 июня 1917 г. подписали «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов, словаков, и поляков», которые предоставляли социально-экономические права военнопленным: создание касс взаимопомощи, библиотек, переписка и нахождение родственников, работа по своей специальности и т. д. [5, с.72]. Временное правительство проводило также практику царских властей по созданию национальных воинских частей из военнопленных-славян. В феврале 1916 г. был сформирован Чехословацкий стрелковый полк, а в январе 1917 г. в Белгороде – Польский запасный стрелковый полк. Автор монографии отмечает, что после Октябрьской революции политика в отношении военнопленных стала отличаться от царской и

Временного правительства. Для большевиков имела значение не национальность военнопленного, а положительное отношение к советской власти, пополнение рядов Красной Армии и их участие в Гражданской войне [5, с.73].

Неудовлетворительную оценку деятельности Военного министерства и МВД времен Николая II в отношении военнопленных, а также описание учета, размещения и условий содержания военнопленных в Западной Сибири дает в своей работе А.Н. Талапин [6]. Первые партии пленных в сентябре 1914 г. привели к настоящему квартирному кризису, в связи с чем началось поспешное строительство лагерей и больниц. Проблемы с отпуском военнопленных на работы к частным лицам были возложены на местные самоуправления, которым не хватало денег для нужд военнопленных, а кредиты из центра не покрывали расходы. В связи с этим возникли проблемы с питанием, обмундированием, отсутствием горячей воды и отопления, что привело к массовым эпидемиям. Автор также рассказывает о резком снижении дисциплины в лагерях военнопленных после Февральской революции.

В диссертации А.И. Гергилевой отмечается противоречивая политика Временного правительства в отношении к военнопленным: то свобода передвижения и соблюдение прав, то репрессивные меры со строгой экономией обмундирования и средств, что не лучшим образом отражалось на положении военнопленных. После заключения большевиками Брестского мирного договора улучшение положения и содержания касалось только тех военнопленных, которые разделяли идеи коммунизма и мировой революции. Автор отмечает, что между военнопленными специально разжигалась вражда по национальному признаку, в связи с чем многие из них участвовали на стороне белогвардейцев против советской власти. Использование дешевой рабочей силы военнопленных было продолжено советским правительством. Полученный опыт в дальнейшем был опробован при создании концентрационных лагерей с принудительным трудом [7].

В статье И.Б. Беловой отмечается практика получения военнопленными советского

гражданства на льготных условиях [8]. В октябре 1917 г. после прихода к власти большевиков военнопленных передали в ведение местных комиссариатов по национальным и гражданским делам, а в 1918 г. – в ведение Центропленбежа. Прошения на гражданство принимали губернские власти: милиция, губисполкомы, губернские и уездные пленбежи. Желавших поменять гражданство было немного, более того, военнопленные в различных губерниях совершали побег и стремились вернуться на родину своим ходом. В январе 1918 г. было образовано Всероссийское бюро пленных, целью которого стала агитация беспартийных иностранных военнопленных для вступления в иностранные группы РКП(б). Например, в Орле венгерские коммунисты создали партийную ячейку.

Таким образом, вопрос о правовом положении человека на войне по сей день сохраняет свою актуальность и требует новых исследований из-за многообразия факторов, связанных этой проблемой. В данной статье пойдет речь о положении иностранных военнопленных четверного союза, оказавшихся в Брянском уезде Орловской губернии. Автор поставил задачу выяснить отношение к ним, соблюдение норм международного права, условий содержания и работы, к которой их привлекали на российской территории.

В Государственном архиве Брянской области сохранились документы, подтверждающие оказание военнопленным государственной поддержки: именные списки военнопленных, находившихся в распоряжении уездного комитета по снабжению армии; удостоверения, проходные свидетельства, записные книжки, аттестаты, регистрационные карточки иностранных военнопленных с отметками о социальной помощи; договоры с условиями о приеме на работу военнопленных, расписки поставщиков о принятии на работу, циркуляры; отчёты о деятельности концентрационных лагерей Брянского уезда, материалы статистически-справочного, учетно-эвакуационного, административного отделов Центральной коллегии о пленных и беженцах.

Брянский уезд в период Первой мировой войны являлся важным железнодорожным центром обмена, транзита и переправки

на родину как российских, так и иностранных военнопленных. Через Брянск проходили эшелоны с бывшими военнопленными австрийских, германских, турецких и болгарских армий. Румыны и цыгане поступали из Конотопа по воинским билетам, согласно телеграмме № 227 от 19 марта 1920 г., австро-венгерских военнопленных отправляли через Конотоп–Киев, что подтверждает циркуляр от 2 июля 1919 г. № 122. Из телеграммы от 4 августа 1919 г., полученной в Брянске, следовало, что «3 августа в 14 часов отправлено из Конотопа 230 военнопленных из Франции» [9, д. 11, л. 98]. Местным властям предлагалось приготовить для военнопленных необходимое продовольствие. В телеграмме из Терещенской Брянскому питательному пункту поручалось «приготовить продукты санитарному поезду № 232 следующих 690 пленных Франции раненых» [9, д. 6, л. 187], а в другой от 19 марта 1919 г. просили «приготовить пищу 619 австропленным» [9, д. 6, л. 189].

Учетно-эвакуационный отдел Брянского пленбежа 17 июля 1919 г. делал запрос продовольственному пункту при станции Брянск I железной дороги о том, «были ли в этот день удовлетворены продуктами военнопленные вражеской армии в количестве 101 человека, проходящие через Брянск и было ли это оформлено в квитанциях. По документу военнопленных должны были накормить печеным хлебом и мукой по 26 золотников на человека» [9, д. 6, л. 181]. Таким образом, через Брянск не только переправляли военнопленных, но и оказывали здесь им социальную помощь.

Эвакуационный отдел Совета австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов следил за выполнением обязательств и прав своих соотечественников в России. Им стало известно о прибытии в Конотоп 101 австро-турецкого военнопленного, которые получили по пути следования вместо хлеба паек муки (26 золотников на человека). Однако использовать эту муку они не смогли из-за отсутствия печей в поездах следования военнопленных. «От Брянска до Конотопа не было питательных пунктов, поэтому военнопленные следовали совершенно голодные» [9, д. 6, л. 184]. Эвакуационный отдел Австросо-

вета в жалобе Коллегии о пленных и беженцах Брянска от 21 июля 1919 г. № 170 «выразил недовольство и настаивал на том, чтобы подобные случаи не повторялись, ибо такое отношение Коллегии к взятым на себя обязанностям по защите и заботе о военнопленных – недопустимо и непозволительно» [9, д. 6, л. 184].

«Именной список военнопленных австрийской армии» за 25 августа 1916 г. содержит следующую информацию: «Имя и фамилия; возраст; звание, воинская часть, к какой принадлежал, или название корабля, на котором он служил; место жительства в отечестве; пункт водворения в империи, а равно пункты перемещения; вероисповедание и национальность; день и место взятия в плен; состояние здоровья (болен, или ранен) и где находится на излечении; отметка об убыли (освобожден на честное слово, обмен, побег, смерть); название учреждения, в ведение которого передан на работы, наименование и место производства работ; примечание» [10, д. 1, л. 8].

Согласно именованным спискам, в Брянскую губернию поступали военнопленные австрийской, германской армии следующих национальностей: чехи, поляки, венгры. Так, например: «Франц Свобода, 21 год, рядовой 2 уланского полка, место жительства – Гумполец, Чехия, вероисповедание – римско-католическое, национальность – чех, взятие в плен – 3/7-16 у Луцка, здоров, место производства работ – 25 августа 1916 г. отправлен на работы в распоряжение Брянского комитета по снабжению армии по изготовлению подков станции Брянск М-К-В ж. дороги, кузнец» [10, д. 1, л. 9]. Там же: «Рихард Гылля, возраст 21 год, рядовой 21 зап. п. пол. авст. арм., Ополе-Шленская, римско-католическое, поляк, 25/8-16 Рига, здоров, кузнец» [10, д. 1, л. 18].

По последнему произведенному учету в Карачевском пленбеже на апрель 1920 г. бывших военнопленных из армий неприятеля в уезде числилось 11 человек [9, д. 30, л. 115]. Согласно регистрационной карточке, швейцарский подданный «от июня 1920 г. проживал в пределах Брянской губернии со своей женой и работал литейщиком» [9, д. 30, л. 119].

В списках военнопленных, находившихся на работах в Овстугской волости на хуторе Городец-Чернет, в селе Речица, в деревне Бетово с 1914 по 1919 г. числились рядовые военнопленные австрийской армии. Возраст взятых в плен колебался от 22 до 39 лет. Среди них были словаки, немцы, поляки, чехи, венгры. В документе указаны фамилии работодателей, принявших иностранных военнопленных на работу: «Сергей Солдатов, Петр Вайновский, Сергей Пересветов, Иван Лоренсо, Жуков, Губонин, Лосман, Герень Жема, Ян Турел» [9, д. 30, л. 106].

Военнопленным на территории Брянского уезда Орловской губернии выдавались документы, напоминающие временный паспорт – аттестаты. На одной стороне указывались фамилии военнопленных, а на другой – место их прибытия и сумма кормовых денег на определенное время. Так, например: «Аттестат по Указу его Императорского Величества, дан сей от Управления Ардатовского уездного Воинского Начальника военнопленному Онице Имре, отправленному в распоряжение Брянского комитета по изготовлению подков для армии в том, что он удовлетворен кормовым довольствием по 29 число сентября месяца 1916 г., а с того числа выдано кормовых денег на путевое довольствие на 5 суток, то есть по 4 число октября месяца 1916 г.» [10, д. 1, л. 32].

В проходном свидетельстве были указаны правила поведения военнопленного: со всеми быть вежливым и вести себя согласно воинскому званию. «Если военнопленного обидят обыватели, то он должен пожаловаться местному сельскому, волостному или полицейскому начальнику. В случае неоказания помощи – уездному воинскому начальнику. При следовании через деревни, сёла и города, где нет казарм и других воинских помещений, военнопленный должен предъявить проходное свидетельство местным сельским или городским начальникам для получения жилья для ночлега и пищи из выделенных ему кормовых денег. При следовании через пункты, в которых расположены воинские части, военнопленный может обращаться с просьбой о предоставлении отдыха в помещении части, а также пищу за счёт выданных ему кормовых денег, а в случаи болезни – к местным властям о помещении в

больницу, или немедленном уведомлении о болезни ближайшего уездного воинского начальника. Военнопленный обязан был вести себя прилично, предъявляя свое проходное свидетельство. Замеченный военным начальством или полицией в дурном поведении, он задерживается и передается местному уездному воинскому начальнику, который отправляет его далее по назначению этапным порядком» [10, д. 1, л. 33].

За самовольную отлучку военнопленный подвергался дисциплинарному взысканию. «По прибытии к месту назначения военнопленный обязан явиться в ту войсковую часть или учреждение, в которое следовал, и предъявить проходное свидетельство» [10, д. 1, л. 33]. «Если он прибывает к месту назначения и явится ранее срока, то неизрасходованные кормовые деньги остаются в его пользу. Если он явился к месту назначения после срока в течение шести дней и если не представит законные причины просрочки, то подвергается дисциплинарному взысканию, как за самовольную отлучку. Неявившийся более шести дней считается бежавшим» [10, д. 1, л. 33]. В случае внезапной смерти военнопленного в пути местные власти сообщали уездному воинскому начальнику и передавали копию акта смерти умершего с его вещами, деньгами и документами [10, д. 1, л. 33].

Еще один очень важный документ, который выдавался не только бывшим русским, но и иностранным военнопленным – военный билет, или удостоверение военнопленного, которые выдавались, написанные от руки, с указанием фамилии, имени, места работы в Брянском уезде. Данный документ давал право на получение социальной помощи [11]. В одном из таких удостоверений отмечено: выдано «Андрсину Чоборт в том, что он действительно работал в совхозе Вышегородское с 11 августа 1919 г. по 16 апреля 1920 г. и уволился по собственному желанию...» [9, д. 30, л. 40].

На основании удостоверений военнопленным постановление от апреля 1920 г., разрешало «повсеместное проживание в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в течение трех месяцев» [9, д. 30, л. 66]. Такое удостоверение было выдано венгру Янушу Игринг

и немцу Эмилю Нитц. Удостоверение военнопленного Эмиля Нитц оформлено на двух языках – немецком и русском и подтверждено немецкой печатью. Можно предположить, что к иностранным военнопленным на территории советского государства в 1920 г. относились гуманно: в Харькове немца лечили в лазарете, чтобы тот в дальнейшем благополучно добрался до дома, «с денежной помощью лазарета дальше в Германию и Австрию» [9, д. 30, л. 77].

При оформлении на работу на каждого военнопленного обязательно оформлялась карточка с правилами на обороте. Она выдавалась Центрэваком, Брянским губэваком на основании приказа. Военнопленным также выдавали удостоверение с порядковым номером и указанием его основных данных. Оно оформлялось от руки, с печатью в верхнем левом углу Брянского пленбежа, или выдавался бланк – Проходное свидетельство с порядковым номером и данным военнопленного из Центропленбежа. Внешне оно было похоже на проходное свидетельство русских военнопленных.

Согласно прошениям владельца предприятия А.В. Стрякина в Брянский уездный комитет от 15 июля 1916 г., труд военнопленных использовали на предприятиях в качестве кузнецов и молотобойцев [10, д. 1, л. 2]. Действительно, в документе с пометкой «срочно» в Брянский уездный комитет по снабжению армии было направлено сообщение от 15 августа 1916 г. о том, что «командировать двенадцать военнопленных Комитету по снабжению армии на станции Брянск. Об изложенном уведомляю Комитет вследствие представления от 15 июля сего г. за № 488 просят принять означенных пленных и установить надзор за ними» [10, д. 1, л. 3].

В Брянском архиве сохранились телеграммы о командировании в Брянскую губернию военнопленных с указанием их количества, места и времени их прибытия. Некоторые телеграммы содержат информацию о профессиях и роде занятий военнопленных: «Сегодня отправлены в распоряжение Комитета два пленных кузнеца. Сообщите приемщику Николаю Ивановичу Губину, чтобы принял их станцию Брянск Московского Киево-Воронежской дороги 27 августа 1916. Скрыбин» [12, д. 1, л. 31а].

При оформлении на работу военнопленных брянские работодатели предоставляли расписки, в которых обещали соблюдать их права и обязанности. Это подтверждают многочисленные расписки поставщиков о принятии на работу военнопленных австро-венгерской армии в качестве кузнецов и рабочих по изготовлению снарядных ящиков. Сохранились расписки Брянскому уездному воинскому начальнику о предложении передать военнопленных начальнику милиции города Брянска.

В ряде случаев вместо расписки руководители предприятий заключали с военнопленными специальный «договор-условие», на которых Брянские работодатели брали к себе на работу иностранных военнопленных. Договор заключался с Брянской уездной земской управой. По нему военнопленных «брали для выполнения сельскохозяйственных работ на определенный срок, с обязательствами выплачивать военнопленному 8 рублей, из которых в кассу Управы вносилось за три месяца вперед 4 рубля, а оставшиеся 4 рубля – на руки каждому военнопленному. При этом военнопленному выдавалась рабочая книжка» [10, д. 1, л. 49]. Кроме этого работодатель, согласно договору, обещал «снабжать каждого военнопленного необходимой верхней одеждой, обувью, бельём по мере надобности и изнашивания одежды, в которой военнопленные поступят на работу. Работодатель брал обязательство обеспечить починку одежды, обуви и белья. Каждый военнопленный должен иметь не менее двух перемен нижнего белья, с брюками, верхней рубашкой, сапогами и башмаками, портянками; вообще люди должны быть одеты и не страдать вследствие отсутствия одежды от дождя и холода» [10, д. 1, л. 49].

Работодатели также брали на себя следующие обязательства: «Принимать военнопленных от Земской управы в г. Брянске и до места работы доставить за свой счёт, для охраны взятых военнопленных иметь сторожа; кормить, обеспечивать пленных продовольствием, медицинской помощью при заболеваниях, возвратить военнопленных по первому требованию Земской управы, доставив за свой счёт. Работодатель должен подчиняться всем распоряжениям и постановле-

ниям правительственных учреждений по отношению содержания и отпуска военнопленных. В случае «нерадивости» отдельных военнопленных или непригодности для работы работодатель имеет право вернуть военнопленного Земской управе, предупредив её за две недели вперёд» [10, д. 1, л. 49].

Военнопленным предоставлялись и другие социальные гарантии: Брянский пенебег заключил договор 8 мая 1919 г. с Общегородской больничной кассой о лечении больных военнопленных и поступлении их на работу. Так, работодатели были обязаны: заявлять Правлению больничной кассы в течение 3-х дней о каждом лице, поступившем к ним на работу. За не предоставление в срок этих сведений грозил штраф в пользу Больничной кассы в размере от 100 до 1000 рублей за каждый случай [9, д. 27, л. 14].

Из списков бывших военнопленных можно узнать об их месте работы: поляк Ковальский Никодим 34 года от роду воевал в немецкой армии 11 пехотного полка младшим унтер-офицером и определен на работу к Сидору Сидоровичу Кавачеву; Балдыгар Юрка – румын, рядовой австрийской армии, взят в плен под Люблином 4 мая 1915 г., определен на работу к Ивану Петровичу Козлову.

В «Записной книжке» военнопленного венгра Януша Игринг, выданной 21 ноября 1919 г. и предназначенной для официального оформления военнопленного, указаны личный номер, номер воинской части, звание, место жительства, вероисповедание, национальность, день и место взятия в плен, возможные ранения, наличие рабочей профессии. Записная книжка иностранного военнопленного напоминает Трудовую книжку, но в ней помимо даты, места работы указывалось еще и жалованье рабочего.

В Брянске существовал концентрационный лагерь при отделе Управления губисполкома, куда препровождались иностранные военнопленные для привлечения к работам общегосударственного значения. Так было с австро-военнопленными Франсуа Маруария и Степаном Липтаком» [9, д. 30, л. 10]. В документе от 5 мая 1920 г. говорится, что в концентрационном лагере Брянска содержатся военнопленные империалистической войны – «мадьяры-венгерцы» [9, д. 30, л. 53].

Согласно архивным материалам, в

Брянске для военнопленных работал отдел принудительных работ. Были случаи побегов иностранных военнопленных во время работы из концентрационного лагеря: Брянский губэвак 2-го июня 1920 г. сообщал о побеге германо-пленного Русфельда Ингери [9, д. 30, л. 121]. В Брянский пленбеж поступали сведения из различных мест Брянска о самовольных отлучках иностранных военнопленных с места работы. Один из подобных фактов описан в объяснительной записке: Брянский райсовхоз сообщал Брянскому пленбежу, что «1 июля 1920 г. из Совхоза "Гостилровка" ушел и до сих пор не возвращается на работы военнопленный австриец Варго Имуг» [9, д. 30, л. 135]. Беглецов разыскивали и возвращали назад.

Сохранились сведения также о том, что военнопленные просили освободить их из концентрационного лагеря и зачислить в Красную Армию, объясняя это желанием «вместе с нашим родным пролетариатом принести пользу советской власти» [9, д. 30, л. 148]. По собственному ли желанию они записывались добровольцами в Красную Армию, или нет? Об этом можно судить на основании другого архивного документа. Циркуляр от 25 сентября 1919 г. содержит пересказ приказа Центропленбежа за № 4294/4680: «Предписывается пленбежам из всех австро-пленных, не желающих вступить в ряды Красной Армии, образовывать рабочие команды для обязательного привлечения к полевым работам через местные продкомы» [9, д. 30, л. 149].

Концентрационные лагеря, расположенные на территории Брянского уезда имели свои банковские счета. В документе «Ремарка за август 1920 г.» идет речь «о зачислении на текущий счёт концентрационного лагеря № 416325 суммы 2168 руб. 40 коп. за пользование рабочими» [9, д. 14, л. 119].

В сохранившейся карточке № 621 можно узнать следующее: «Военнопленный, гражданский пленный – Гернер Цолик Лейбович, еврей, рядовой, проживающий в Бухаресте Румынии, попавший в плен в России в ноябре 1914 г. в Карпатах» [9, д. 14, л. 119]. Далее отмечено, что ему выдано обмундирование – одна пара брюк и одна гимнастерка, а на оборотной стороне карточки указано о

выдаче иностранному военнопленному на проезд и пособие.

По имеющимся данным, военнопленным помимо материальной оказывали помощь в трудоустройстве, в лечении в лазаретах, в случае надобности находили возможности проводить серьезные операции. В документе № 123 Брянский губсобез сообщал, что на заседании врачебно-контрольной комиссии 4 июня 1920 г. было принято решение отправить иностранных военнопленных Грейлингера и Силагиса на специальное лечение в Москву: «первого, как нуждающегося в оперативном лечении глаза, второго, как страдающего нервным состоянием здоровья в нервной больнице» [9, д. 30, л. 123]. Этот факт также свидетельствует о гуманном отношении к бывшим иностранным военнопленным.

Военнопленные проживали и работали также в Дятьковской волости Брянского уезда. Например, поляк женился на русской девушке и не спешил ехать назад на родину. В графе документа «Почему не желает возвращаться на родину» иностранец указал: «неясное положение с переездом на родину», то есть возвращаться домой он не захотел, числился сапожником в мастерской [9, д. 30, л. 114]. Так, например, в архивной «Книге записей браков» за 1920 г. Отдела записей актов гражданского состояния Курского городского исполнительного комитета «русская девица Дарья Косырева выходила замуж за австрийца» [9, д. 30, л. 149]. Были и другие случаи, когда иностранные военнопленные, попавшие на территорию Брянского уезда, не хотели возвращаться на родину.

Для сохранения имущества военнопленных, оставшегося на российской территории по ряду причин, Центральная коллегия о пленных и беженцах 11 февраля 1919 г. подготовила Приказ № 225, по которому местные коллегии, в том числе и Брянская, должны были все ценные вещи, имущество, валюту отправлять в распоряжение Центропленбежа и уведомлять административный отдел и губернские коллегии.

Иностранцев военнопленных разыскивали родственники через иностранное посольство, или Красный Крест. В Центрэваке работал специальный статистическо-справочный отдел, который помогал находить

сведения о местонахождении и состоянии здоровья попавших в плен в России. Об одном из них, немце Вильгельме Золя, поступил запрос от Германского Красного Креста из Берлина. Как потом стало известно, в январе 1918 г. он находился на станции Клетня.

Статистически-справочный отдел Центрэвака также вел учет иностранных пленных. В случае смерти военнопленного оформлялся приказ и запись в книге актов гражданского состояния. Об умершем иностранце собирали дополнительную информацию, необходимую для надлежащего оповещения родственников умершего: воинский чин, воинская часть, к которой он принадлежал, вероисповедание, место рождения, адрес родственников и место похорон, предусматривалась возможность их приезда на могилу. Об этом можно узнать из документов справочно-статистического отдела – «Отдел по учету иностранных военнопленных от 30 сентября 1920 г. № 790» [9, д. 30, л. 207]. В приказе Народного комиссариата по военным делам коллегии по делам пленных и беженцев Карачевского уезда от 15 октября 1918 г. № 738/180 информируется: «Согласно приказу Центральной Коллегии пленбежа за № 121, Карачевская коллегия просит в спешном порядке установить места погребения умерших в плену германо-австрийских воинов, определить, по возможности, время их погребения и принять меры к предохранению могил от разрушения» [13, д. 4, л. 261].

Брянский пленбеж организовывал отправку военнопленных на родину. В удостоверении № 17 идет речь о том, что австрийскому пленному Савве Лазаревичу Новакову «не чинили никаких препятствий при следовании им на родину, тем более, что он ещё до сих пор не совсем оправился после тифа» [9, д. 30, л. 17]. Брянский губэвак в апреле 1920 г. находился на улице Фокинской, «дом бывшего Могилевцева против казначейства» [9, д. 30, л. 95], где оформляли регистрацию для

выезда на родину военнопленным. Так, в телеграмме от 13 апреля 1920 г. решался вопрос об эвакуации на родину Лазаря Вахалло, а на Жуковском складе губсовхоза в качестве сторожа служил военнопленный Иван Бухнер и Брянский пленбеж в апреле 1920 г. также решал вопрос о возвращении его на родину.

Административный отдел Центральной коллегии о пленных и беженцах следил за расходами на военнопленных и требовал отчета у местных подведомственных государственных учреждений «по продовольствию, снабжению вещами и иными видами довольствия, по оборудованию и постройке жилых помещений и лагерей, по окарауливанию и перевозке» [9, д. 6, л. 424]. Он же вел необходимый подсчет ежемесячного количества военнопленных на работах, их «пленодней», полученных за работу денежных сумм. [9, д. 6, л. 424].

Рассмотрев условия содержания военнопленных Первой мировой войны на региональном уровне, можно сделать вывод об особенностях отношения к ним со стороны государства. На протяжении войны сложилась особая система учета и трудоустройства военнослужащих, воевавших против стран Антанты и оказавшихся в плену в России. В Российской империи, в период деятельности Временного правительства и в Советской России отношение к военнопленным выстраивалось на основе международных нормативно-правовых актов. Документы Государственного архива Брянской области подтверждают оказание социальной помощи и государственной поддержки военнопленным со стороны советских учреждений на территории Брянского уезда Орловской губернии с предоставлением гражданских и трудовых гарантий. Однако в условиях Гражданской войны и вызванной ей разрухи положение военнопленных заметно изменилось в худшую сторону.

Список литературы

1. Ниманов Б.И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник РУДН. 2009. № 2. С. 53-60.
2. Цветков А.О. Правовой статус военнопленных на территории России в период первой мировой войны (1914 – 1918 гг.). Омск, 2016. 202 с.
3. Смирнов Ю.И., Скрипников М.И. Военнопленные на территории России в годы первой мировой войны // Вестник МИЭП. 2016. № 1 (22). С. 135-139.

4. Оськин М.В. Неизвестные трагедии первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М.: Вече, 2011. 432 с.
5. Базанов С.Н. Первая Мировая от «войны до победного конца» к «миру любой ценой». М.: Академический проект, 2017. 219 с.
6. Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – май 1918 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.
7. Гergiлева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006.
8. Белова И.Б. Военнопленные Центральных держав и советская действительность // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 63-68
9. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 490. Оп. 1.
10. ГАБО. Ф. 458. Оп. 1.
11. Лазаренко Е.И. Удостоверение бывшего русского военнопленного как отражение направлений государственной социальной поддержки военнослужащих в годы Первой мировой войны // История. Общество. Политика. 2019. № 3 (11). С. 46-52.
12. ГАБО. Ф. 458. Оп. 14.
13. ГАБО. Ф. 2016. Оп. 1.

POSITION OF ENEMY PRISONERS OF WAR ON THE TERRITORY OF THE BRYANSK DISTRICT

The article is devoted to issues related to the situation of prisoners of war during the First world war on the territory of the Bryansk district of the Oryol province. The relevance of the topic is to compare the current policy towards prisoners of war during the reign of Nicholas II, the Provisional government and Soviet Russia, both in the country as a whole and at the regional level. The article pays special attention to the functions of the competent state bodies and institutions, the problems of compliance with international law, providing clothing, food and other necessary living conditions for prisoners of war in the territory of the Bryansk district. Based on the materials Of the state archive of the Bryansk region, an attempt was made to determine the real situation of foreign prisoners of war at the local level. The author gives a satisfactory assessment of the life of prisoners of war. The Soviet government after coming to power, continued to pursue humane policy toward prisoners of war started the king's leadership and the Interim government, although the king and the Provisional government paid attention to the nationality of the prisoner of war, and the Soviet – class, loyal to communism. The change of government did not play a special role: difficult working conditions, and a low level of maintenance. But at the same time, in the Bryansk district of the Oryol province, the Soviet government assumed obligations to fulfill social guarantees and help prisoners of war.

References

1. Nimanov B. I. Content of foreign prisoners of war on the territory of Russia during the first world war // Vestnik RUDN. 2009. # 2. Pp. 53-60.
2. Tsvetkov A. O. Legal status of prisoners of war on the territory of Russia during the first world war (1914-1918). Omsk, 2016. - 202 p.
3. Smirnov Yu. I., Skripnikov M. I. prisoners of War on the territory of Russia during the first world war // Vestnik MIEP. 2016. No. 1 (22). Pp. 135-139.
4. Oskin M. V. Unknown tragedies of the first world war. Prisoner. Deserters. Refugees. Moscow: Veche, 2011. 432 PP.
5. Bazanov S. N. the First World war from "war to the victorious end" to "peace at any price". Moscow: Academic project, 2017. 219 PP.
6. Talapin A. N. Prisoners of war of the First world war on the territory of Western Siberia (July 1914-may 1918): Diss. ... Cand. east. sciences'. Omsk, 2005.
7. Gergileva A. I. prisoners of War of the First world war on the territory of Siberia: Diss. ... Cand. east. sciences'. Krasnoyarsk, 2006.
8. Belova I. B. Prisoners of war of the Central powers and Soviet reality // Military-historical journal. 2014. # 1. Pp. 63-68
9. State archive of the Bryansk region (GABO). F. 490. Op. 1.
10. GABO. F. 458. Op. 1.

11. Lazarenko E. I. Certificate of a former Russian prisoner of war as a reflection of the directions of state social support for military personnel during the First world war // History. Society. Politics. 2019. No. 3 (11). Pp. 46-52.

12. GABO. F. 458. Op. 14.

13. GABO. F. 2016. Op. 1.

Об авторе

Лазаренко Елена Ивановна – аспирант третьего курса кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени И. Г. Петровского (Россия), E-mail: lena.lazarenko.79@mail.re

Lazarenko Elena Ivanovna – graduate student of the third year of the Department of national history of the Bryansk state University named after I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: lena.lazarenko.79@mail.re